СОЕДИНИТЬ свои судьбы они решили как-то обыденно и просто, как будто иначе и быть не могло. Люди их поколения это еще называют иначе - решили сойтись. Столько вместе было пережито, столько оказалось общего у обоих, что когда встали они перед фактом - расставаться или остаться вместе навсегда - как само собой разумеющееся, оба выбрали второе.

ВОЙНА ИХ ВЕНЧАЛА

Непривычно, странно было слушать диалог фронтовых воспоминаний этой супружеской пары, настолько они были синхронны: начинал один, заканчивал другой. Если кто-то забывал или упускал какую-то деталь, эпизод, второй так-тично дополнял, уточнял, поправлял. По большому счету война, как правило, только отнимала, разлучала и убивала. Этих же двух она не только сберегла друг для друга, но и сделала счастливыми, соединив их судьбы на своих фронтовых дорогах.

"Шел к тебе четыре года"

На войну Василек Букин убежал прямо со школьной скамьи. В военкомат пришли все двенадцать мальчишек из десятого класса: немедленно посылайте на фронт. А военком вместо повестки снял с себя ремень солдатский и, не шутя, пригрозил: "Учитесь!" Было бы, как говорят, сказано... На другой день, 26 сентября 1941 года, все двенадцать побросали в котомки свои немудреные мальчишечьи пожитки и дали деру. А до поезда надо было идти 250 километров через тайгу (дело происходило в одном из райцентров Коми АССР). Добрались. Там – на поезд, и в Вологду. В Вологде добровольцев безусых сразу же чуть было назад не завернули, да какой-то комбат присмотрел их. "Люди, – сказал он, – видать, дюже грамотные, я их, наверное, себе возьму и сделаю из них классных саперов." Месяц отучились ребята, толковыми себя зарекомендовали, и их направили в училище, на четырехмесячные курсы младших командиров, а оттуда раскидали одноклассников по фронтам.

Его дорога к любимой женщине, выбранной ему судьбой, была намного длиннее, дольше и тяжелее, чем та, что была уготована ей, лишь почти через два года с лишним сделавшей свой первый шаг навстречу избраннику. Фронт начался для белобрысого паренька в составе 111-й стрелковой дивизии сразу с Новгорода, со знаменитого Мясного Бора. До самого сорок третьего года находился он в жерле этой страшной человеческой мясорубки. После Волховского был Сталинградский фронт. Прорыв блокады Сталинграда, наступление, разгром армии Паулюса – весь этот победоносный кровавый кошмар в полной мере выпало вынести ему на своих плечах. Там, на Синявинских высотах, война пометила его в первый раз – срезало осколком пальцы, как-то шутя выбив из руки винтовку. Под Сталинградом, после трехдневных непрерывных боев, ему, двадцатилетнему, один из бойцов ошалело сказал: "Товарищ командир, вы же весь седой..." Было от чего. От трех с половиной тысяч активных бойцов всего лишь за трое суток ожесточенных боев в строю осталось только сто пятьдесят бойцов.

Каким чудом остался Василек Букин тогда жив, он сам до сих пор понять не может. Из всего того сплошного кровавого крошева особенно один случай запомнился ему. По сорок танков сразу, бывало, выпускали немцы в пять-шесть атак в течение дня. И до сих пор Василий Арсентьевич не понимает, как удавалось их раз за разом отбивать. А тут, как вымерли фрицы. Двинули тогда наши на "Ура!" брать деревню. Только до середины поля дошли – вот они, танки вражеские, тут как тут. В стылом, промерзлом чистом поле эта встреча была для советских пехотинцев равносильна верному смертному приговору: невозможно ни спрятаться, ни защититься. Единственное оружие – винтовки да саперные лопатки. Оставалось одно – умудриться поближе подпустить и подбить вражеский танк, используя его затем, как укрытие, или распластаться и умереть под его гусеницами. Страшно вспомнить и через пятьдесят лет, как утюжили тогда немцы наших бойцов. Не считал Василий, сколько раз увертываться пришлось с боку на бок под самой пастью гусениц. И за полу шинели старуха с косой прихватывала, и за голенище сапога. Сзади боец вскрикнул: "Товарищ командир, танк на вас идет!" Обернулся, а того уже этот танк подмять успел... С час еще продолжалась ужасная вакханалия, а потом даже стонов: "Братки, помогите!" не слышно стало. Поле напоминало огромную разделочную доску. И только с наступлением темноты несколько уцелевших бойцов смогли отползти прочь со страшного места.

После этого прошел он с тяжелыми боями до Северной Таврии, освобождал Херсон, Евпаторию, Севастополь, Витебск, Смоленск, Прибалтику, Кенигсберг... Все больше и больше прибавлялось у него боевых наград. Все меньше и меньше оставалось времени до встречи с любимой. Хотя был в его боевой жизни еще один решающий момент, который мог бы и предотвратить эту встречу. Она могла бы не состояться, если бы...

Возвратился как-то Василий Букин с товарищами после удачного выполнения боевого задания по взятию "языка" и по разрешению командира полка прикорнул в укрытии рядом с ходом сообщения у землянки. Разбудил его нетерпеливый голос сменившейся с дежурства телефонистки: "Вставайте! Быстро вставайте! Вы уже долго спите, дайте же и мне немножко отдохнуть!" Василий, было, свою шинельку прихватить собрался, а она прикрикнула: "Да оставьте шинель-то! Потом заберете". Бросил боец шинель назад, девушка прыгнула в щель укрытия. Только и успел сделать Василий два шага, как сзади рвануло, и все померкло у него перед глазами. Очнулся после контузии от того, что выбегавшие из землянки люди спотыкались о его недвижимое тело. Когда пыль и пороховая гарь рассеялись, Васе стало не по себе: прямым попаданием мины напрочь разворотило ту щель, из которой несколько секунд назад выталкивала его девушка-телефонистка. Нашли от нее только одну руку да бесформенные куски мяса... Берегла его судьба. Это было уже в конце апреля сорок четвертого года. До дня Победы оставался год, до встречи с Полиной – несколько недель.

"Я всю войну тебя ждала"

Полина Смирнова, восемнадцатилетняя тогда девушка, из Алма-Аты приехала к сестре в гости, в Киселевск, а тут такое известие: война! Какое уж возвращение назад, да и не к кому было. Осталась. Через неделю устроилась на работу в пожарную часть – оттуда всех мужиков в первую очередь подчистую на фронт позабирали. До конца 1943 года проработала. И тут подруге ее, Ане Михайловой, повестка из военкомата пришла. Как расстаться? Попросилась добровольцем. Горком комсомола дал рекомендацию, и девушки вместе приехали на сборный пункт в Кемерово.

Оттуда группа будущих снайперов из Кузбасса отправилась к месту своего назначения – в Подольск, где располагалась тогда центральная женская школа снайперской подготовки. Там им предстояло проучиться полгода. Для начала предложили девушкам старый, полуразрушенный барак без окон и дверей оборудовать под жилье. Где что могли – воровали, как могли – ремонтировали, лепили. Что-то более или менее похожее на человеческое жилище, в котором расположилась целая рота девчат, получилось. В этом "бабьем царстве" из 2400 человек только командиры были мужского рода. Проучились зиму. Подруга Аня поехала на фронт, а Полину, как отличницу, оставили при училище инструктором еще на три месяца обучать новеньких. Встретятся они потом только после победы снова в Киселевске, когда Аня станет уже Анной Михайловной Демченко.

Двадцать четыре девушки, среди них и Полину, отобрали для службы в составе 2-го Прибалтийского фронта. В Смоленске перегрузили девчат на открытые платформы по двое на танк, и так доехали они до самой Прибалтики. Километров сто пятьдесят-двести не доезжая до Шауляя, высадились. Там как раз и была расположена часть того полка, в котором служил тогда уже младший лейтенант Вася Букин. Разбили девчат по восемь человек в каждую дивизию, расселили по ротам.

Встретили девушек в Васином налаженном хозяйстве поначалу не то, чтобы уж очень доброжелательно. Скорее – скептически. Губы кривили в ироничной усмешке бывалые, закаленные в боях мужики: "Соплюх каких-то прислали нам... Они стрелять-то хоть умеют?" Девчата хоть и робели перед ветеранами, но на "соплюх" не соглашались категорически. И тогда младший лейтенант Вася Букин и снайпер Миша Чуюров, имевший на своем личном счету 380 убитых немцев, решили спор разрешить по справедливости, полюбовно: вызвали девушек-снайперов на соревнование. Бойцы стреляли по мишени, девушки – в спичечный коробок с расстояния в сто метров. И девчата не только вызов приняли, но и дали зазнайкам фору! Мишень поражена не была, а коробушка спичечная – чика в чику! Куда деваться – зауважали девушек. Как могли, оберегали потом, опекали.

Но и тогда еще не зародилась в душе Василия и Полины та любовь, которую называют "с первого взгляда".

Чисто товарищеские, дружеские отношения. У него свои дела и обязанности, у нее – свои. Все бойцы тогда казались Полине одинаково родными и близкими. Свои там были, фронтовые, отношения.

Полина со своей парой – Машей Катриченко (из Башкирии она была) каждый день с утра до сумерек "на охоту" ходили на передовую, размещение огневых точек противника засекали, зазевавшихся немцев в офицерских погонах при случае "снимали". Так, от Шауляя до самого Кенигсберга, Полина и дошла со своей плащ-палаткой, винтовкой да саперной лопаткой. Вот тут-то она и познала в полной мере, что такое настоящий страх. Все смешалось – небо и земля, кровь и пот, стоны и выстрелы – в ожесточенных боях при взятии неприступной цитадели немцев, их города-крепости.

Шел сорок пятый. Год уже были они вместе, бок о бок сражались. Полина к тому времени успела звание старшего сержанта заслужить и кучу боевых наград. На ее счету было уже немало уничтоженных немцев (только в боях под Кенигсбергом она "сняла" 13 немцев и вынесла 68 раненых бойцов).

"Порознь нам нельзя"

Победоносный май сорок пятого они встретили в порту Пилау, на берегу Балтийского моря. Ее незадолго перед этим контузило и ранило. Война закончилась. Армия продолжала жить. "Старичков", конечно, демобилизовывали сразу, где-то через неделю после победы, молодые еще оставались. Полина учила снайперскому делу, смогла подготовить еще 30 новичков. Василий тоже находился при исполнении служебных обязанностей. В конце сентября 1946 года пришло время демобилизоваться и им.

Соединить свои судьбы решили как-то обыденно и просто, как будто иначе и быть не могло. Люди их поколения это еще называют иначе – решили сойтись. Столько вместе было пережито, столько оказалось общего у обоих, что когда встали они перед фактом – расставаться или остаться вместе навсегда – как само собой разумеющееся оба выбрали второе.

Молодая супруга надела за все это время в первый раз специально пошитое по распоряжению командования платье из гимнастерочного сукна. Жить решили в Киселевске.

Вместо эпилога.

Сказать, что совместная жизнь Полины и Василия Букиных была прожита, как песня, можно. Но так ведь песни бывают разные. Пришлось им и помыкаться по чужим углам, прежде, чем получили они, наконец, свою нынешнюю, в центре города, квартиру. Работали и воспитывали двоих детей. Пришлось пережить много несправедливости, горя и радости. Не было в этом "ассорти" только крепкого материального достатка, зависти и ненависти к людям, и сожаления, что именно так, а не иначе, сложилась их судьба.

Каждый год 9 Мая надевают они свои парадные костюмы, обильно отягощенные боевыми орденами и медалями, встречают гостей, едут на встречи ветеранов сами. И вновь прокручивается в воспоминаниях пленка незабываемых военных лет... И оживает молодость в шинелях, туго перехваченных солдатскими ремнями...

На балконе их квартиры до сих пор стоит невзрачная саперная лопатка. Ей уже более пятидесяти лет. Ее Полине выдали еще в училище. Ни за что не расстанется она с этой реликвией...

Поклонимся этим людям, ценой своего здоровья, молодости, жизни даровавшим нам Победу.

Надежда БАБУШКИНА
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Письмо с фронта

ПРИВЕТ ИЗ ПРОКЛЯТОЙ ГЕРМАНИИ!

Письмо бывшего председателя колхоза в д. Бурлаки ПОЛУЯНОВА Федора Силантьевича дочери Любови.

"18.01.1945 г.

Привет из проклятой Германии!

Здравствуйте, дорогая доченька Любовь Федоровна. С приветом к вам ваш отец Федор Силантьевич. Шлю тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего в жизни вашей.

Сообщаю, что пока жив и здоров, но жизнь мою сейчас решает судьба каждую минуту. Сама знаешь фронт – прошел день, и хорошо, такая наша фронтовая жизнь. Но ничего, может быть, судьба нас еще сведет вместе и повстречаемся.

Вот пишу тебе, дорогая доченька, письмо из разбитого германского дома, а над нами и вокруг нас взрывы снарядов и мин. Некогда много расписывать. Сегодня снова идем охотиться на проклятого врага.

Желаю всего хорошего в жизни. Жду ответ. Пока. Целую. Ваш отец Ф. С. Полуянов."

Навряд ли успело дойти письмо до адресата за те шесть дней, пока его отправитель, Федор Силантьевич Полуянов, еще оставался жив. 26.01.1945 года он погиб, провоевав всего два месяца...

Письмо предоставила дочь Полуянова - Любовь Федоровна.